

В
М 222

Библиотека для семьи и школы.

Д. Х. Маминъ-Сибирякъ.

НЕУДАЧА.

ОЧЕРКЪ.

Съ рисунками.

Москва — 1918.

1969. 08. 10

Камеиск. п.б. фабрика им. С. М. Кирова, Е. К. Кир
порт В 3-2926. Набр. и катриг. в тисот. тм. "Ларда" миса Ста
даль Камеискон п/б фабрики им. С. М. Кирова, Е. К. Кир

5442

36418

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕНА
ДЕТГИЗА

В

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

~~СР~~
М-22

НЕУДАЧА.

ОЧЕРКЪ.

Съ рисунками.

3-е ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ЮНАЯ РОССИЯ“.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

4853

МОСКВА. — 1918.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

АРБАТСКАЯ ПЛ., ФИЛИППОВСКИЙ ПЕР., д. 11.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Д. Н. Мамин-Сибиряк

НЕУДАРА

ОБЩЕСТВО

36418

1967-68 г.

АВАНЧУЖНИКОВ ЖУРНАЛ
"ЮНАЯ РОССИЯ"
Москва, В. Мухоморова, д. 18, 18

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

МОСКВА — 1913

ТОЛОВАНИИ ТЫН ТИНОТОНИ А. И. МАМОНОВА

АВАНЧУЖНИКОВ ЖУРНАЛ

Неудача.

ОЧЕРКЪ.

I.

СЛИ бы кто-нибудь могъ себѣ представить, какъ трудно жить на свѣтѣ маленькой, пу- гливой и беззащитной мышкѣ!.. Да, такая, ничтожная звѣрюшка, и противъ нея рѣшительно всѣ на свѣтѣ. Я живу въ пятиэтажномъ домѣ, около Сѣнной, и всѣ пять этажей биткомъ набиты моими злѣйшими врагами. Согласитесь, что это ужасно. Много ли нужно такой маленькой бѣдной мышкѣ, какъ я? Кусочекъ сальца, нѣсколько крошечекъ, — и сыта. Право, я рѣшительно никого, никого не обижаю, а между тѣмъ достаточно мнѣ показаться гдѣ-нибудь днемъ, какъ сейчасъ же поднимается крикъ:

— Мышь, мышь!.. Бейте ее!..

Это ужасно. Скажу больше: это глубоко несправедливо. Вѣдь я родилась мышью и не могу быть

ничѣмъ другимъ. Чѣмъ же я виновата, что ямышь! Конечно, въ тысячу разъ выгоднѣе быть кошкой, но я именно этого и не желала бы, потому что кошка — злое животное. По моему мнѣнію, всѣ коты и кошки самые отчаянные дармоѣды, и я рѣшительно ни разу не видала ни одного порядочнаго кота или кошки. Прибавьте къ этому еще ихъ вѣчное притворство, въ которомъ превосходятъ котовъ и кошекъ только ихъ милые хозяева, господа люди.

О, какая это ужасная вещь, когда какое-нибудь животное начинаетъ притворяться, лгать и обманывать, а милые люди только этимъ и занимаются. Могу васъ увѣрить, что я отлично знаю эту породу двуногихъ животныхъ и пришла къ глубокому убѣжденію, что ложь — самая ужасная вещь на свѣтѣ. Въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ я жила во всѣхъ пяти этажахъ и насмотрѣлась всего достаточно. Люди начинаютъ лгать, какъ только просыпаются, потомъ лгутъ цѣлый день и еще немного лгутъ, когда ложатся спать. Я имѣла осторожность думать, когда была молода и довѣрчива, что люди не лгутъ, по крайней мѣрѣ, ночью, когда спятъ, но сейчасъ я и этому не вѣрю. Да, не вѣрю... Вѣдь я живу главнымъ образомъ по ночамъ и слышу, какъ спящіе люди бредятъ, т. е. обманываютъ. Всего интереснѣе то, что эти милыя созданія главнымъ образомъ обманываютъ самихъ себя и думаютъ при этомъ, что всѣ имъ вѣрятъ и что они тоже вѣрятъ другъ другу. Удивительно!.. Если бы люди могли превратиться въ мышей и по-

лучили бы возможность посмотреть на себя со стороны совершенно безпристрастно, — о, они не пожелали бы никогда снова превратиться въ людей.

Разскажу одинъ случай, который покажетъ вамъ, до чего достигаетъ притворство людей. Я жила въ бельэтажѣ у одной генеральши. Мнѣ, говоря откровенно, не нравятся очень богатая квартира, гдѣ постоянно моютъ, чистятъ и метутъ, — но такъ ужъ вышло. Да, иногда по нуждѣ приходится жить и въ бельэтажѣ. Хорошо. Только разъ я выхожу изъ своей норки къ завтраку. Трудно утерпѣть, когда тамъ аппетитно пахнетъ жареными рябчиками... Генеральша всегда завтракала со своимъ мопсомъ, который сидѣлъ на стулѣ рядомъ съ ней. Горничная повязывала его даже салфеткой. Хуже этого мопса трудно что-нибудь придумать: оскаленные зубы, храпѣть отъ жира, вѣчно чешется. Завтракъ начался довольно хорошо, и я успѣла стащить нѣсколько крошечекъ изъ-подъ самага носа у мопса. Но вдругъ генеральша увидѣла меня и заорала благимъ матомъ:

— Мышь!.. Мышь!..

Въ слѣдующій моментъ она вскочила на стулъ, подобрала юбки и заплакала. Прибѣжали лакей, горничная, гувернантка, и всѣ бросились меня ловить. Я, конечно, ускользнула въ свою норку и видѣла потомъ, какъ генеральшу увели подъ руки въ ея спальню, гдѣ съ ней сдѣлалась истерика. Ну, скажите, пожалуйста, на что это похоже? Что можетъ сдѣлать маленькая беззащитная мышка

генеральшѣ? Мнѣ это притворство до того сдѣлалось противно, что я рѣшила не оставаться въ генеральской квартирѣ ни одной минуты и сейчасъ переселилась въ подвалъ.

Я могла бы рассказать вамъ тысячи такихъ случаевъ притворства, но полагаю, что совершенно достаточно и одного. Но нужно сказать, что есть и свои исключенія даже среди людей. Я уже сказала, что отъ генеральши я сейчасъ же перебралась въ подвалъ, въ квартиру сапожника, состоявшую всего изъ одной комнаты, половину которой занимала громадная печь. Сапожникъ жилъ одинъ, и ему помогали два подмастерья, ужасные сорванцы. Когда сапожникъ увидалъ меня въ первый разъ, то не только не упалъ въ обморокъ, какъ генеральша, а проговорилъ совсѣмъ ласково:

— Эге, мышка!.. Ну, это къ богатству. Вѣрная примѣта...

Подмастерья засмѣялись, а одинъ замѣтилъ:

— То-то я вчера развелъ клейстеръ, а сегодня половина только осталась...

— И сапожной мази ubyло, — прибавилъ другой.

— Ну, что же изъ этого? — весело отвѣтилъ сапожникъ. — Много ли нужно, чтобы прокормить одну мышъ? Мы ей вотъ крошекъ будемъ подсыпать подъ печку. Надо и мыши жить... Жалованья она не получаетъ, работать не умѣетъ, а ѣсть хочетъ...

Какъ видите, сапожникъ былъ удивительно умный человекъ и замѣчательно добрый. Я подозреваю, что онъ навѣрно былъ когда-нибудь мышью. Впро-

чемъ, онъ самъ жилъ, какъ мышь, да и его квартира походила на какую-то мышиную нору.

Я совершенно забыла вамъ сказать, что у меня былъ мужъ, который отличался нѣкоторымъ легкомысліемъ, а главное—лѣнью. Не знаю, что хуже—притворство или лѣнь. По моему мнѣнію, лѣнивая мышь хуже мертвой. Но все это семейныя дѣла, которыя никому не интересны. Дѣтей у меня было достаточно, какъ у всякой порядочной мыши, и я, вѣроятно, нѣкоторыхъ и не узнала бы, если бы встрѣтила случайно гдѣ-нибудь на улицѣ. Что дѣлать, у мышей своя семейная жизнь и свои семейныя отношенія. Мои дѣтки занимали всѣ пять этажей нашего громаднаго дома, и я частенько ходила къ нимъ въ гости. Нѣкоторые устроились совсѣмъ хорошо, а остальные — такъ себѣ; я чаще всего бывала на чердакѣ, гдѣ жила моя дочь съ семьей въ квартирѣ бѣдной швейки. Дѣвушка работала дни и ночи особенно передъ праздниками и, какъ мой сапожникъ, любила поиграть съ моею дочерью, кормила ее сахаромъ и отдавала всѣ крошки отъ своей скромной ѣды. Вообще, очень милая дѣвушка. Она часто брала мою дочь на руки и говорила:

— Мышка, мышка, если бы ты знала, какъ трудно жить на свѣтѣ бѣдной, одинокой дѣвущкѣ... Я желала бы быть такой же хорошенькой мышкой, какъ ты.

Я встрѣчала эту швею у генеральши, но все-таки не рѣшалась садиться къ ней на плечо, какъ

дѣлала моя дочь. Если съ вами вѣжливы, то это еще не значить, что нужно быть нахальнымъ. Для каждаго есть свои правила приличія. Другое дѣло, если иногда захочется полакомиться крахмаломъ, а у швеи всегда стоялъ на плитѣ цѣлый горшокъ его. Ну много ли можетъ съѣсть крахмала маленькая мышка? А между тѣмъ пріятно полакомиться послѣ сапожной мази и сапожничьяго клейстера. Разъ швея застала меня на самомъ мѣстѣ преступленія, и я со страха свалилась въ горшокъ. Счастье, что крахмалъ былъ холодный. Какъ хотала швея, когда я вылѣзла изъ горшка вся въ крахмалѣ. Мнѣ, говоря откровенно, очень было совѣстно.

— Ахъ, глупенькая, глупенькая, — смѣялась швея, вытирая меня мягкой тряпочкой. — Совсѣмъ глупенькая!..

Если бы я не боялась утонуть въ жидкомъ крахмалѣ, то бросилась бы опять въ горшокъ, чтобы милая дѣвушка еще посмѣялась такъ же весело.

II.

Да, много пришлось мнѣ испытать въ жизни всевозможныхъ непріятностей, хлопотъ, огорченій и опасностей. Но все-таки, если бы мнѣ предложили на выборъ родиться во второй разъ мышью или человѣкомъ, я выбрала бы первое. Развѣ мыши дѣлають кому-нибудь зло, исключая того, что онѣ

питаются на счетъ господина человѣка? Неужели стоитъ говорить о тѣхъ несчастныхъ крошкахъ, которыми мы довольствуемся? Должна сказать вамъ по секрету, что, когда строится какой-нибудь новый домъ, хозяинъ увѣренъ, что онъ строить его для себя, и, чѣмъ больше домъ, тѣмъ сильнѣе хозяинъ гордится, а бѣдняга совсѣмъ не подозреваетъ, что строить его исключительно только для насъ, мышей... Вѣдь онъ когда-нибудь умретъ, а мыши останутся... То же самое и съ квартирантами: они увѣрены, что нанимаютъ квартиру только для себя, а въ сущности — для мышей, которыя сейчасъ же воспользуются всякой щелочкой и отлично устроятся подъ поломъ. Сколько перемѣнится квартирантовъ въ каждой квартирѣ, а мыши остаются все тѣ же. Правда, что подъ поломъ темно, а иногда и сыро, но вѣдь мы живемъ главнымъ образомъ ночью и не нуждаемся въ шубѣ даже въ самый сильный холодъ.

Но я, кажется, отбиваюсь въ сторону отъ главного предмета, о чемъ хотѣла рассказать. Я уже сказала, что у мышей есть своя семейная жизнь, свои привязанности и свои родственныя огорченія. Сколько нужно затратить хлопотъ, чтобы воспитать мышиную семью. А какая прелесть маленькіе мышенята: лапки розовыя, ушки розовыя, мордочки розовыя, хвостики розовые. Цѣлые дни играютъ, таскаютъ другъ друга за хвосты, кувыркаются, — вообще, страшные шалунишки. О всякомъ нужно заботиться и выучить всему, что слѣдуетъ знать

всякой порядочной мыши. Ахъ, какъ много хлопотъ съ мышенятами, вы себѣ и представить этого не можете. А тутъ еще мужъ, который думаетъ только о себѣ...

Собственно, я и хочу рассказать о послѣднемъ. Дѣло было такъ. Наступила весна, я очень люблю это время, потому что можно и на солнышкѣ погрѣться, и вдоволь погулять свѣтлою весеннею ночью. Мой сапожникъ одинъ, кажется, въ цѣломъ домѣ не радовался. Онъ страшно кашлялъ по ночамъ и разъ сказалъ мнѣ:

— Ну, мышка, шабашъ... Скоро помру. А ты подыскивай себѣ другую квартиру...

Сапожникъ говорилъ о себѣ, какъ о постороннемъ человѣкѣ, и горько улыбался.

Что же, будетъ, поработалъ, — точно утѣшалъ онъ меня. — Ты сосчитай-ка, сколько сапогъ и башмаковъ сшилъ! И не сосчитаешь... А сколько починилъ всякой обуви? Эге, тутъ уже и ариеметики не хватитъ... Всѣхъ жителей обувалъ, а самъ ходилъ босой. Вотъ какое наше сапожническое дѣло. Ну, и довольно. Вашему брату, мышамъ, куда легче жить на свѣтѣ, потому какъ ни сапоговъ, ни калошъ не нужно...

Бѣдняга сдержалъ свое слово и, дѣйствительно, скоро умеръ. Мнѣ было его очень жаль, но что же дѣлать, — въ свое время не то что человѣкъ, а и каждая мышь должна умереть, какъ это ни печально. Пришлось опять перебраться къ генеральшѣ, но и тутъ вышло огорченіе. Въ одно прекрасное утро мой муженекъ заявилъ:

— Я съ генеральшей переѣзжаю на дачу...

— Т.-е. какъ это на дачу?! — изумилась я.

— Очень просто: генеральша ѣдетъ, почему же я не могу ѣхать? При томъ я очень люблю путешествія... Согласись, что пріятно провести цѣлое лѣто на свѣжемъ воздухѣ. Ты замѣчаешь, вѣроятно, что у меня въ послѣднее время нервы не въ порядкѣ... Въ первую минуту я, признаться, не повѣрила этой болтовнѣ, а потомъ пришлось убѣдиться собственными глазами, что мужъ рѣшился переѣхать

на дачу. Онъ незамѣтно забрался въ картонку со шляпой, и генеральша увезла его на собственныхъ рукахъ. Все это было бы очень смѣшно, если бы не мое одиночество. Что можетъ быть печальнѣе, когда мышь остается въ громадной квартирѣ совершенно одна? Даже то, что послѣ отъѣзда генеральши осталось достаточное количество съѣстного на все лѣто, — и это не радовало меня. Валявшіяся въ кухнѣ корки хлѣба, забытый на окнѣ кусокъ сыра, остатки ветчины въ столовой, — все это было хорошо въ другое время, а сейчасъ нисколько не привлекало меня. Да, я была равнодушна къ ѣдѣ, и только удивлялась прожорливости черныхъ таракановъ, которые жили въ кухнѣ. Они даже смѣялись надо мной.

— Что, кума, носъ повѣсила? Попробуй вонъ тѣхъ бѣлыхъ шариковъ, которые, будто случайно, забыты по угламъ. А еще лучше погрызи лепешку, на которой написано: „Смерть мышамъ!“ Это для тебя приготовлено...

Тараканы, конечно, смѣялись надо мной, но мнѣ понравилось ихъ предложеніе. А что если, въ самомъ дѣлѣ, съѣсть одинъ такой бѣлый шарикъ, приготовленный изъ муки, сахара и какого-то яда, — и все будетъ кончено. Ни заботы, ни горя, ни вѣчнаго страха, — какъ это хорошо!.. Теперь бойся каждой кошки, остерегайся каждой ловушки, вѣчно прячься подъ поломъ, воруй каждую брошеную на полъ крошку... А все-таки не хочется умирать, какъ это ни странно... И домъ въ пять

этажей останется, и солнце будетъ свѣтить, и господа люди будутъ жить попрежнему, а бѣдной старой мышки не будетъ на свѣтѣ... Мнѣ вдругъ сдѣлалось ужасно жаль самой себя. Бѣдная мышка, которая рѣшительно никого и никогда не обидѣла, а если иногда таскала сахаръ или корочку, то только потому, что была страшно голодна!

А противные черные тараканы говорили межъ собой:

— Братцы, какъ мы здѣсь все пріѣдимъ, сейчасъ же переберемся куда-нибудь въ другую квартиру. Много ли нужно мѣста хорошему черному таракану? Забрался куда-нибудь въ щель поглубже и сиди себѣ... А какъ хорошо забраться подъ обои! Вообще, жизнь — хорошая вещь!..

Все это говорилось, чтобы посмѣяться надо мной. Я это отлично понимала, и мнѣ дѣлалось еще тяжелѣе. Что я имъ сдѣлала, вотъ этимъ чернымъ тараканамъ?

Это была послѣдняя капля, которая переполнила чашу моего терпѣнія. Да, я рѣшилась умереть...

— Только одни трусы боятся смерти, — громко сказала я и принялась грызть отравленный ядомъ бѣлый шарикъ.

— Батюшки, караулъ! Она сейчасъ околѣетъ! — заорали всѣ тараканы разомъ и со страха попрятались въ свои щели.

Говоря откровенно, я не испытывала никакого страха, и это меня радовало. Скажите, пожалуйста, неужели можно бояться какого-то бѣлаго шарика,

который къ тому же и приготовленъ былъ такъ вкусно? Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ необыкновенное: я съѣла весь шарикъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, — и ничего.

— Ты еще жива? — шопотомъ спрашивалъ самый храбрый тараканъ, показывая изъ щели свои длинные усы.

Тутъ ужъ я засмѣялась надъ глупою тварью и отвѣтила совсѣмъ храбро:

— Я и лепешку съѣмъ... да! Эхъ, вы, трусы несчастные!..

Нужно сказать, что я сразу сообразила, въ чемъ дѣло: въ шарикъ не было яда. Или обманулъ

аптекарь, продававший его, или украла кухарка настоящую отраву, — однимъ словомъ, шарики были просто мука съ сахаромъ. Отлично. Вотъ лепешка — другое дѣло. Она, очевидно, была приготовлена на фабрикѣ, и на одной сторонѣ была даже выдавлена прессомъ мышь.

— Ну, ну, попробуй-ка лепешку! — кричали тараканы. — Ужъ теперь навѣрно околѣешь... Братцы, карауль!.. Она начала грызть лепешку... Батюшки, батюшки, совсѣмъ сумасшедшая мышь! сейчасъ околѣеть!..

Я имѣла мужество съѣсть половину лепешки и осталась жива, потому что и лепешка оказалась такой же поддѣльной, какъ и бѣлые шарики. Ахъ, люди, люди, вы поддѣльваете даже отраву мышамъ... Кажется, обманъ дальше уже не можетъ итти. Тараканы догадались тоже и еще разъ подняли меня на смѣхъ.

— Да ты знала, негодная мышь, что отравы поддѣльная, и только насъ напрасно морочила.

— Я?! Ахъ, вы, негодные, какъ вы смѣете такъ говорить про несчастную, но честную мышь!

У меня оставалось въ запасѣ послѣднее и самое рѣшительное средство. На лѣстницѣ, взобравшись на подоконникъ, грѣлся на солнышкѣ котъ-Васька, самый отчаянный изъ всѣхъ котовъ на свѣтѣ. Въ сто лѣтъ, навѣрно, родился всего одинъ такой злющій котище... Я подошла совсѣмъ близко къ нему и пискнула. Васька открылъ одинъ глазъ,

съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и сердито проворчалъ:

— Проваливай мимо, кума... Съ какой стати я буду жрать мышатину, когда господа уѣхали на дачу? Если я иногда и ловлю мышей, то только на показъ, чтобы меня хвалили и считали за порядочнаго и трудолюбиваго кота. Проваливай!..

И тутъ обманъ... Что же осталось послѣ этого дѣлать? Я рѣшилась опять жить, жить на зло всѣмъ своимъ безчисленнымъ врагамъ, которыхъ отъ души презираю.

БИБЛИОТЕКА
Государственного музея
Детской книги

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
АВСТРИЯ

344/8

485

48 900 111
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, Б. Молчановка, д. № 18.
2. Москва, Воздвиженка, д. № 4, Книжный складъ
I-ва „Кооперативное издательство“.

Представительство по продажѣ изданій Е. Н. Тихомировой
кооперативнымъ объединеніямъ всей Россіи предоставлено
Т-ву „Кооперативное издательство“ (МОСКВА, Воздвиженка,
д. № 4).